

«Ищу в себе мента и зэка»

27

№97
(1735)

3
июня
2005

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

– Драматизм в том, что Фрунзе уже начинает понимать этот закон, а ваш персонаж – нет.

– Это многих коснулось. Отец мой был коммунистом. Я сам стихи про Ленина читал. Был достаточно убежденным пионером и комсомольцем. До тех пор, пока уже студентом, на втором курсе, не прочел в общаге затрепанный «Новый мир» с «Одним днем Ивана Денисовича». Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я стал по-другому смотреть на вещи и задумываться. В институте об этом даже рассказывать было нельзя – могли выгнать. Это был конец правления Брежнева. Преподавательница истории партии говорила: «Вы можете забыть, когда был второй или первый съезд РСДРП, но если кто-нибудь из вас не читал «Целину», «Возрождение» или «Малую землю» – до свидания».

– Если не ошибаюсь, главные награды – «Золотой орел», «Ника» и «Золотой овен» – вы получили за роли второго плана, хотя некоторые из них официально назывались иначе. Это ваш конек?

– Да, ролей второго плана у меня много, и я их очень люблю. Они мне очень многое дали. Не в смысле наград, а в профессиональном смысле. Хотя их легче играть, чем большие. Большую роль гораздо труднее выстроить, смонтировать в голове. Фильм ведь снимают не от начала к концу, а в некоем ином порядке, зависящем от многих причин. Иногда сначала приходится играть развязку, а потом завязку. Играть середину, нужно иметь в виду начало и конец. А маленькая роль играет сразу и без оглядки. Но если в них есть жизнь и судьба, как, например, у Соловьева в фильме «Нежный возраст», они имеют очень большое значение для актера. Я никогда в жизни этим не пренебрегал и сейчас не пренебрегаю.

– Да уж, когда в «Нежном возрасте» ваш герой ломает кирпич о свою голову, этого взрыва не забудешь, потому что тут жизнь сломана. Или у Говорухина в «Ворошиловском стрелке», где вы играете мента. Минутная сцена, но на таком драйве! Говорят, Габен, соглашаясь на роль, требовал, чтобы непременно была запланирована «сцена гнева». Может, и вы оговариваете, чтобы была «сцена взрыва»?

– Конечно, нет. Просто кино и театр – вещи разные, потому что если в театре ты не ограничен во времени и можешь исправить завтра то, что, не дай Бог, не получилось сегодня, то в кино число твоих попыток ограничено. Здесь, воистину, что написано пером, не вырубишь никаким топором. В кино должна быть полная мобилизация.

– Как в армии?

– Можно сказать, и так. Как еще объяснить эту кухню? Для начала надо любить то, что делаешь. Нет маленьких ролей...

– ...а есть маленькие актеры?

– Это вы сказали. Педагоги в студии МХАТ приучали нас всерьез относиться и готовиться к любой роли. Тарасова нас как-то спросила: чем отличаются слезы на сцене от слез в жизни? Было много ответов, но никто не сказал того, что сказала она: в том, что и актеры, и публика получают от сценических слез удовольствие вне зависимости от того, от чего плачет герой – от горя или от радости. В этом прелесть нашей профессии. Конечно, приятно услышать и аплодисменты в конце спектакля, и увидеть лица друзей, когда выходишь из кинозала после премьеры.

– А чем отличается удовольствие игры в кино от удовольствия игры в театре?

– Лучший момент на сцене – это когда ты слышишь звенящую тишину зала. На съемочной площадке этого нет.

– Вернемся к вопросу об убедительности, с которой вы играете военных, милиционеров и зэков. Я знаю, что это была не первая ваша роль, но я впервые увидел вас в «Бесприделе». И, помню, подумал по невежеству: «В ка-

Я сыграл большое количество ролей, про которые с самого начала понимал, что ни славы, ни удовольствия они мне не принесут. Но принесут деньги

кой колонии Гостев нашел этого типа?». Где вы берете свои характеры? Их мимику, жесты?

– Конечно, у меня есть знакомые милиционеры и военные, и заключенных я видел, но мы же все видим их каждый день – кого по телевизору, кого на улице. Поэтому мне интересней найти мента, зэка, военного в себе. По Станиславскому – представить себя в его шкуре и в предлагаемых обстоятельствах. Хотя, конечно, есть какие-то ужимки, которые я могу срисовать и использовать. Я люблю наблюдать людей. Наблюдения откладываются где-то на подсознательном уровне, а потом всплывают. Когда ты ухватываешь тон, из него рождается образ. Можно, конечно, придумать роль от жеста. Но нельзя придумать какую-то фишку и от нее построить роль. Фишку можно привнести в роль. В прошлом году я сыграл в фильме «Брежнев» – съемки заняли всего полдня. Но там было что сыграть: человек прорывается к генсеку, рассказывает свою историю и умирает. Я всегда смотрю, есть ли в роли зачатки судьбы, даже если это не очень выражено в сценарии. Человек может выкурить полсигареты, и за эти полсигареты можно понять, что он собой представляет и какая у него была жизнь. В любой роли я хочу дойти до самой сути. Как это у Пастернака, помните?

– Во всем мне хочется дойти до самой сути... В работе, в поисках пути, в сердечной смуте...

– Несколько раз в жизни мне повезло с ролями. Но я сыграл и большое количество ролей, про которые с самого начала понимал, что ни славы, ни удовольствия они мне не принесут. Но принесут деньги. Это было в эпоху коммерческого кино, когда хорошие сценарии были в дефиците, а деньги зарабатывать было нужно. Что тут греха таить. Из 70 ролей я могу гордиться только частью. Теми, где судьба сводила меня с хорошими режиссерами и партнерами. Дважды я снимался у Абдрашитова, который создает на площадке целый мир. Для меня это как курсы повышения квалификации. Один раз работал у Иржи Менцеля – в «Чонкине». Фильм не получился, но Менцель человек талантливый, и команда там была что надо. Словом, процесс был важнее результата. Эти съемки стали фактом моей биографии. То же произошло и на съемках «Своих». Не потому, что они получили полсотни призов на фестивалах, а потому, что кровью снимались. В буквальном смысле – я с мотоциклом улетел в кювет и сломал ключицу. Снимался так полкартины. Хотели съемки остановить, но вокруг Месхиева была такая дружная группа и такая фантастическая жизнь! Мало кто может так собрать вокруг себя такую группу. Быть у него на съемочной площадке – праздник.

– Вы играете в кино, в телесериалах, в театре. В принципе это все разные стили игры. Трудно перестраиваться?

– От сериала не ждешь того, что ждешь от кино. Если попадаешь в ситуацию, где тебе скучно и грустно, то стараешься – прежде всего для себя – выглядеть хорошо. Я когда-то играл в театре роль, которую критика одобряла, но сам я не был доволен, потому что мог бы сыграть лучше. В этой роли был длинный монолог. Помню, я на репетиции подумал, что можно схалтурить, прочесть его не в полную силу, а на спектакле постараться и прочесть как следует. Но такие номера не проходят. Один раз схалтурив, ты себя обрекаешь. Это как зараза: запускаешь в себя болезнь.

Бывает так, что неинтересно. Например, когда мы получили сценарий «Каменской», то садились с Яковлевой и с Никоненко, придумывали репризы, сами себя веселили – чтобы нам было не только не стыдно, но интересно существовать.

В театре все иначе. Вот я играю Лопехина в «Вишневом саде» много лет. Я могу развивать его характер и совершенствовать свою игру. А в кино ты сыграл перед камерой – и все. Или Мишу в «Мерлин Мурло». Он – поддон. Но я его люблю. Я вынужден любить всех своих героев.

– Почему можно сыграть с любовью, но нельзя с ненавистью?

– Потому что в героя, сыгранного с ненавистью к нему, не поверят. Актер, как сказал Станиславский, должен быть адвокатом своей роли.

– В том числе и «адвокатом дьявола»?

– Даже Гитлера. Этот Миша из «Мерлин Мурло» – пьяница и хам, ежедневно бьющий свою жену, ходящий к соседке и трахающий эту

бедную больную девочку. Но в конце он говорит: «Я люблю тебя. Тебя никто в жизни не будет так любить, как я». Это стало для меня зацепкой. Когда ты можешь найти в плохом человеке, где он хороший, это и есть настоящая драматургия, это выписанная роль. Однозначный герой недостоверен и неинтересен.

– Что лично вам дает хороший партнер?

– Это как в беге. Важно уцепиться за лидера. Вот Нина Русланова. Рядом с такой актрисой и пепельница заиграет. Но нужно не только получать от партнера, но и давать ему. Мы с Олегом Янковским были знакомы и до «Любовника». На репетиции я не чувствовал никакого барьера между нами. Я работал с ним, как с одноклассником, чувствовал перед собой просто партнера. Он прислушивался ко мне, я – к нему. Тодоровский снял первый кадр. Как водится, в честь первого дня – банкет. А на следующий день у нас с Олегом две большие сцены. Мы не просидели на банкете и двадцати минут – ушли репетировать и просидели у него дома до четырех утра. После съемок ужинали вместе с Тодоровским. Ужин автоматически перетекал в репетицию завтрашней сцены. При этом мы не говорили по тексту. Мы говорили о самой сцене и постепенно переползали на обсуждение сходных случаев из жизни. Что было похожее у меня, у моих друзей, знакомых. То есть уносились в какие-то дали, но на заданную тему. Вот это было творчество.

– А бывает так, что партнер расхолаживает?

– Я в таких случаях стараюсь быть деликатным. Это проблема человека не на своем месте. Человек родился, чтобы поднимать гири, а он в Думе сидит. Проблема мнимых величин. Она еще с «Мертвых душ» пошла. Попадает молодой актер или молодая актриса на новую роль. Не каждый может это правильно воспринять. Из актера делаем культ, и он сам начинает верить, что уже звезда. Надо деньги зарабатывать, я не против, но не так быстро. Женщине в актерской профессии труднее, чем мужчине. Есть актрисы от Бога, как Чурикова, Ахеджакова, Русланова. Но ведь недаром театр начинался с актеров-мужчин.

– Были ли таланты, которые учились с вами, но не пробились? И бездари, которые пробились?

– Да! Настоящие таланты живут за сто первым километром от Москвы. В столице живут те, кому повезло, а не те, кто более талантливы.

– Вас раздражает, если бездарность начинает «звездеть»?

– Меня удивляет, когда молодой артист позволяет себе не выучить текст. Да лучше пьяным прийти, чем с невыученным текстом, который читаешь с листа! Раздражаться на это глупо и смешно – этих людей нужно пожалеть. А жизнь сама покажет, кто есть кто.

– Чем вы занимаетесь, когда не играете?

– Люблю читать. Чехова, Достоевского, вообще русскую прозу. Сейчас вот прочел письма Книппер-Чеховой и понял, что она сыграла не лучшую роль в жизни писателя.

– По-моему, вы похожи на Чехова не меньше, чем Гринько. Ростом уж точно.

– Сто восемьдесят семь.

– Я и говорю – большой актер.

Хотели бы сыграть Чехова?

– Еще как! Если бы кто-то поставил фильм о его поездке на Сахалин через всю Россию...

ПЕРВЫЙ НАЧАЛ